

Глаза зверя

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Солнце уже показалось из-за гор и отражалось в ряби озера Фева, рассыпаясь на блики, подобные россыпи драгоценных камней. День обещал быть жарким, но пока дул приятный прохладный ветер, шелестевший травами и зарослями тростника на берегу. Сонгцэн оставался в эту ночь в резиденции Белых Тигров, поэтому ему было проще избежать назойливого внимания и сбежать утром на прогулку. Он хотел практиковаться в осознанности, в том, что на Тибете называлось шинэ, безобъектной медитацией.

Он не хотел долго сидеть в позе лотоса на берегу озера, пытаясь в течение этого времени отлавливать и осознать собственные мысли. Мастера не раз говорили, что без должной практики это бессмысленно, и ничего, кроме скуки и разочарования в себе не даст. Сонгцэн пришел на берег, ведя под уздцы высокую серую кобылу по кличке Селена, собранную для верховой прогулки. Она была хорошо выученной и спокойной, и принц Кобр не раз отправлялся на ней из одной резиденции в другую.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн дал лошади пару кусочков сахара, затем потрепал её по шее и лишь после этого сел в седло. Он набрал повод и толкнул кобылу пятками, чтобы она пошла вперед вдоль озера по дороге, что вела в одну из окрестных деревень. Некоторое время они просто ехали шагом, и Сонгцэн смотрел по сторонам на небо, на озеро, на дорогу и на окружавшие все это горы. Он был расслаблен, потому что не ждал, что кобыла испугается и куда-то рванет, а для того, чтобы сидеть в седле, было достаточно держать баланс.

Через некоторое время Сонгцэн выпустил повод, положил пряжку на седло перед собой и опустил руки вдоль туловища. Он бросил стремяна, и расслабил ноги, затем проследил сознанием за тем, чтобы расслабиться полностью от макушки головы до стоп. Только спина была прямой и отвечала за равновесие. Сонгцэн не закрывал глаза, поскольку так ему было легче сохранять ясность ума во время подобных упражнений.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Селена спокойно шагала по дороге, не отвлекаясь ни на ветер, ни на мошкару, не пытаясь ускориться или встать. Она знала, что всадник ей доверяет, и Сонгцэн мог не думать о том, что она вдруг чего-то испугается. Он просто следил за потоком мыслей. О том, что днем будет жарко, но по дороге домой не стоило снимать тренировочную куртку, чтобы не нарушать традиций клана. О том, что в озере наверняка много рыбы, но в это время суток рыбаков уже нет, потому что рассвело и потеплело. О том, что завтра нужно было ехать в клан Кобр.

А следом мысли были более сложными, и стали быстрее сменять друг друга. Они касались экзамена в клане, к которому Сонгцэн все еще не был готов, отношения к нему будущих подданных, звериного облика, который он до сих пор не проявил, и

при всем желании не мог почувствовать в себе кобру. Он много раз наблюдал за этими величественными существами, но ни разу не ощутил внутренний отклик.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн отгонял мысли о том, что из этого плохо, и как это все характеризовало его самого. Хорошо и плохо – это условности. Это – часть Сансары. Когда ищешь радость и избегаешь неприятных впечатлений, ты мечешься, как белка в колесе, или как собака, что ловит свой хвост. Это и есть Сансара – то состояние, когда твоими поступками руководят мысли об удовольствии или неудовольствии. Противоположностью Сансары была недостижимая Нирвана, пустота, в которой освобождаешься от самой идеи удовольствия и неудовольствия, постигая иллюзорность и того, и другого.

Сонгцэн понимал, что цепляется за мысли и их развивает вместо того, чтобы осознавать и отпускать. Отдельные секунды, когда он справлялся с упражнением, сменялись теми, когда ничего не удавалось. Но по сравнению с прошлой подобной прогулкой, состоявшейся чуть меньше месяца назад, Сонгцэн чувствовал прогресс. И он перестал беспокоиться об экзаменах, праве на оружие и зверином облике. Он знал, что должен выполнять то, что от него требуется, соблюдая дисциплину, но от самого факта волнения не менялось ничего. Он мог думать, что впереди экзамен, а до этого так или иначе проявится звериный облик, но затем отпускал эту мысль, не цепляясь за самобичевание.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн опустил пятки вниз, поймал стремя и прижал ноги к бокам лошади, после чего набрал повод и пустил Селену рысью. Теперь можно было просто гулять, пока не наступил час, когда в доме старейшины Бо будет завтрак. До этого оставалось около получаса. Сонгцэн пустил Селену галопом, и она рванула вперед, наслаждаясь возможностью размять ноги. Так было даже проще отпустить мысли, растворившись в моменте здесь и сейчас. Будучи собой, но не заикливаясь о том, кто думает эту мысль, ведь по сути мысли и мыслящий есть суть одно и то же.

Сонгцэн свернул с дороги, что вела в деревню, и направил лошадь по траве вдоль берега озера, но через некоторое время перевел её в шаг. Он снова задумался о своем зверином облике и постарался представить, как учили, глаза внутреннего зверя. Поначалу удалось просто почувствовать взгляд, затем услышать гул, но на какие-то пару мгновений образ стал достаточно четким, чтобы разглядеть почти круглые зрачки на песочно-янтарном фоне. Это не была кобра. Это было похоже на тигра, но это не был тигр. Тут он заметил, что кобыла занервничала и даже немного взрыла, пока он не пустил её рысью вперед, чтобы отвлечь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Это животное было опасным для лошади, но такое определение мало что проясняло. Сонгцэн теперь не мог вернуть образ глаз, были лишь какие-то смутные интуитивные ощущения: желание оскалиться, ощущение когтей, но дальше они обрастали догадками, которые достраивала логика, и из-за этого не удавалось понять ничего существенного. Для начала нужно было окончательно смириться с тем, что наследный принц клана Королевских Кобр – не королевская кобра, а потом

донести эту мысль до отца и деда. И параллельно разбираться с тем, какой зверь оказался его второй сущностью.

Сонгцэн подумал, что он мог и раньше чувствовать этого зверя. Просто страх не оправдать надежд клана не давал внутреннему зверю проявиться. Сознание человека слишком яростно отрицало его и загоняло подальше, но стоило расслабить разум, как первые признаки способности к превращениям дали о себе знать. Теперь можно было возвращаться, и Сонгцэн развернул лошадь, направляя её обратно в сторону резиденции клана Тигров.

Он решил сначала точнее определиться с тем, в кого ему предстояло превращаться, а только потом обсуждать этот вопрос с родителями. С прочими мастерами, кто занимался его обучением, Сонгцэн пока не планировал говорить на эту тему.
